

УДК 008

Гендерная парадигма организации пространства традиционной культуры ненцев

Сэрпиво Стэлла Евгеньевна

Аспирант кафедры этнокультурологии,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: stella_serpivo@mail.ru

Аннотация

Пространство является одной из универсальных категорий любой культуры. В традиционной культуре ненцев оно представляет собой многомерный горизонтально-вертикальный мир, отражающий пространственную структуру мироздания. В данной статье, на основе теоретических источников и собственных этнографических полевых материалов автора, рассматривается гендерная парадигма организации пространства традиционной культуры ненцев через анализ гендерной стратификации традиционного жилища – чума, характеризующего и представляющего оба пола, для каждого из которых занимаемое противоположным полом пространство недопустимо и табуировано. Если в целом функция жилища призвана объединять людей, то внутреннее пространство социально разделяет их. Одним из основных механизмов поддержания гендерной иерархии пространства служат табу, которые закрепляют этнические стереотипы и поведенческие нормы. Следует отметить, что табу, являясь регулятором социальной и гендерной организации, в первую очередь выполняли охранительную функцию – оберегали людей от воздействия сакрального. В них прослеживалось магическое могущество женщин, их способность существенно влиять на события и их исход. Согласно данным нашего исследования, табу не утратили своего смыслового значения и на современном этапе развития общества, хотя они в определённой степени трансформировались.

Для цитирования в научных исследованиях

Сэрпиво С.Е. Гендерная парадигма организации пространства традиционной культуры ненцев // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 531-540.

Ключевые слова

Пространство культуры, традиционная культура, гендерная стратификация, ненцы, жилище, социальный статус, табу.

Введение

Пространство является одной из универсальных категорий любой культуры. Представление о нём менялось с развитием общества. У каждого народа своё представление о пространстве. Как утверждают исследователи, для человека европейской культуры оно однородно, тогда как для архаичного типа мышления представляется многомерным. С.А. Арутюнов считает, что, для человека традиционной культуры любое передвижение в пространстве, любое нахождение в нём, любой взгляд на него наполнены своей грамматикой, своей символикой, своим осмыслением [цит. по: Головнёв, 1995, 5]. А по мнению В.И. Сподиной, оно может быть перпендикулярным (вертикальное, горизонтальное), с прямым (пространство человека) и обратным течением времени (пространство Нижнего мира). Есть пространства, разомкнутые в бесконечность (миры) или замкнутые на себя («своё») пространство [Сподина, 2000]. На наш взгляд, гендерная парадигма организации пространства традиционной культуры ненцев может быть представлена через анализ строения традиционного жилища, так как, в первую очередь, устройство традиционного жилища отражало пространственную структуру мира.

Чум как модель многомерного мира

В эпических и мифо-сказочных текстах строение мироздания ненцев вырисовывается через путешествие героев. «Эпические персонажи проникают за пределы родной планеты в другие миры через чёрные “коридоры”, просто поднявшись в небо на оленях или в образе других обитателей. Земля открывается героям эпоса как многомерный горизонтально-вертикальный мир. Расстояния измеряются и реальными пространственными мерами, известными ненцам, и длиной в несколько человеческих жизней» [Пушкарёва, 2007, 17]. Трёхмерное горизонтально-вертикальное деление мира ненцев, можем проследить через анализ *строения чума*, представляющего собой своеобразную модель многомерного мира.

Священный шест – *симзы* символизирует «мировое древо», лестницу, по которой герои мифов поднимаются в мир духов (в Верхний мир). *Макода'си* – верхнее отверстие чума, служит «открытым прямым окном в видимый Космос, а *макода* – воронкообразным продолжением чума во Вселенной [там же, 35]. Герои в эпосе являются медиаторами между Землёй (*Сямэй'Я*) и Верхним миром (миром духов). Через очаг – *тюмю'си* они могут спускаются в Подземный мир. Надочажный лист *тюмю*, исследователь А. В. Головнёв рассматривает как, «перекрытие металлом „дыры“ в Нижний мир» [Головнёв, 1995, 212]. Обратим внимание, что слова *симзы*, *макода'си*, *тюмю'си* однокоренные образованы от сущ. *си*, что в переводе означает – отверстие, дыра, проход. Следовательно, это проход в другое пространственное измерение.

При горизонтальном анализе жилищного пространства отметим, что оно делится на части, характеризующие и представляющие оба пола, для каждого из которых занимаемое противоположным полом недопустимо и табуировано. Разделение жилища надвое, на женскую и мужскую части, соответствует системе бинарных оппозиций, так как окружающий мир человека традиционной культуры представляется в виде бинарных оппозиций: мужское – женское; правое – левое; чистое – нечистое; сакральное – профанное.

Наиболее высоким семиотическим статусом в чуме обладает мужская половина – *си'няцы*. Там располагаются мужские инструменты, тумбочка с продуктами, на ночь туда кладётся мужская одежда. Ненецкой женщине категорически запрещено пересекать грань, проходящую за *симзы* (священным шестом). Так же как у хантов и манси женщинам запрещается подниматься в священный *лобаз*, на крышу дома, проходить в «красный угол». В свою очередь мужчина не допускался в женский угол – *сея'ня*.

Размещение культовых предметов у народов Севера тоже соотносилось с семиотическими характеристиками основных зон жилого пространства. Изображения предков – *нытырма*» располагаются в центре *ва'ав* (спального места), как бы на пограничье между миром духов и миром людей. Тогда как женские культовые изображения – *Мяд'пухуця'*» располагаются в изголовье женской постели.

В центре, где пересекаются мужская и женская части жилища, располагается очаг, являющийся символом рода. С.А. Сорокина предполагает, что «священность противоположной от входа стороны жилища (связанная с мужским началом) обусловлена очистительными свойствами огня, который находился в центре дома у большинства коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Находящееся перед очагом привходное (женское) пространство, напротив, мыслилось опасным и профанным» [Сорокина, 2005, 82]. *Культ огня*, по мнению Г.П. Харючи, – один из самых развитых культов у ненцев, так как живой огонь связывался с такими понятиями как “жилище”, “семья”, “род” [Харючи, 2001, 34].

Чум (жилище) в традиционной культуре ненцев символизирует «своё» пространство, тогда как стойбище представляет собой пространство рода. Таким образом, пространственное расположение жилища на стойбище раскрывает социальную сторону отношений внутри социума (рода). Например, при наличии на стойбище нескольких чумов более высоким статусом обладает чум, стоящий в середине. Хозяин данного чума является *серм'пэртя'*» (букв. дело делающий, дело ведущий; в значении – руководитель). Его слово является решающим при обсуждении вопросов, касающихся пастбищ, маршрутов каслания. Он также может выполнять функции *ндондана* – прокладывающего дорогу во время перекочёвок. Но отметим, что *серм'пэртя'*» и *ндондана* могут быть представлены разными людьми.

В целом функция жилища призвана объединять людей, но внутреннее пространство социально разделяет их. По тому, куда в чуме усаживают гостей, свидетельствует о том, как их принимают: самое почётное место рядом с хозяином, туда усаживают мужчин, затем детей и только в последнюю очередь женщин.

Если чум (жилище) – это пространство семьи, то полог (*есяр*) – пространство мужчины и женщины как брачной пары. Полог предстаёт перед нами как пространство в пространстве. Именно в нём мужчина и женщина предстают единым целым. Полог, как и половина чума раньше, принадлежал именно женщине. Соответственно мужчина, оказавшись в чуме или пологе, находился в пространстве, принадлежащем женщине. Он оставлял свой *совак* (верхнюю одежду) на улице, уютно расположившись на постели, облачается в *то'* – женскую ягушку – одеяло. Когда готов котёл, женщина даёт мужчине команду просыпаться; когда ставит стол, командует убрать ноги; когда готовит постель, отправляет домочадцев на улицу сделать вечерние дела. В чуме целиком властвует женщина.

В то же время женщине не только запрещено находиться *си'няна* – в священной части чума, как внутри, так и снаружи. Именно там организуются «мужские посиделки» – *хасавадэва*; это своеобразный институт мужского сообщества. «*Хасавадэва* означает покой мужчин, находящихся в этом положении; покой, который будет нарушен или вследствие решения самих этих мужчин, или из-за событий, в которые будут вовлечены эти мужчины. <...> События, которые могут нарушить покой мужчин, самые разные: приезд людей из других земель с сообщением о войне и с просьбой о помощи, решение женить кого-то или выдать замуж, приезд брата, считавшегося мёртвым, радость при виде врага, который сам приехал, перекочёвка на новое место, в другую землю, военный поход, отказ в помощи, вызов врага, подготовка к бою, к войне, объездка (дрессировка) оленей, серьёзный разговор, похищение женщины, война из-за пастбищ, прекращение отработки жён» [Пушкарёва, 2007, 30]. Женщины при действии *хасавадэсь* не присутствуют рядом, если им нужно что-то сказать, они делают это с некоторого расстояния.

Табу как регулятор социальной и гендерной иерархии

У каждого этноса на протяжении длительного времени формируются и закрепляются определённые поведенческие нормы, соответствующие его менталитету. Основным механизмом, закрепляющим гендерные стереотипы и нормы, проявлением гендерной иерархии в пространстве традиционной культуры как для женщин, так и для мужчин, являлись *табу – хэбяха* [Харючи, 2008, 279]. Как отмечает С.А. Сорокина, «особенностью любого общества являются присущие ему социокультурные роли полов, позволяющие мужчинам и женщинам ориентироваться во взаимоотношениях друг с другом, с окружающим миром, формировать поведение детей в соответствии с общепринятыми нормами. Существующие в данной культуре табу во многом регулируют поведенческие установки мужчин и женщин» [Сорокина, 2005, 102].

Основой появления многих запретов являлись биологические различия между мужчинами и женщинами, утверждённые на сакральном уровне. Табу – полинезийское слово, с одной стороны, оно означает – святой, освященный, с другой стороны – жуткий, опасный,

запретный, нечистый. С табу связано представление чего-то требующего осторожности, табу выражается по существу в запрещениях и ограничениях [Фрейд, 1913, 32].

Всевозможные запреты, ограничения пронизывают всю традиционную культуру ненецкого этноса, регламентируют их поведение в быту, хозяйственной деятельности, при совершении тех или иных обрядов. В первую очередь, всевозможные запреты связывались с детородной функцией женщины. Все дети обоего пола с рождения считаются одинаково «чистыми» – *няро* (сакрально чистые). Поведение девочки ничем не отличалось от поведения её сверстников противоположного пола. Факт появления регулярных очищений служит центральным моментом в процессе оформления социального и сакрального статуса девушки, так как основное предназначение женщины в традиционном обществе – продолжение рода. Официально считалось, что девочка переходила в следующую возрастную группу – *пирибтя*” (в категорию девушек). Мы не находим никаких материалов, доказывающих ритуальное оформление этого перехода, как, например, у коми: «При появлении у девочки первых месячных мать вечером сама расчесывала ей гребнем волосы, и, заплетая косу, желала дочери расти здоровой женщиной, легко рожать желанных и здоровых детей, иметь молока в груди как в полноводной реке, затем вставляла гребень в её волосы...» [Ильина, Уляшов, 2009, 86, 87].

В то же время вся важность и сакральность данного события отражаются в разнообразных эпитетах и образных выражениях: *не́'нямана хывы пирибтя* (букв. девушка, перешедшая дверную часть чума); *сябум' тахабатавы* (букв. сломала сакрально нечистую нарту); *сябу'лехэн лясавы* (букв. упавшая, в промежуток между полозьями в передней части сакрально нечистой нарты)¹. Согласно традиционным представлениям ненцев изменялось положение девушки в пространстве жилища, которое символично перемещается к двери. С наступлением периода половой зрелости девушка начинала подвергаться ряду ограничений, нарушение которых, как верили ненцы, могло повлечь за собой несчастья для семьи, неудачи в промыслах и даже гибель оленей. Приведём некоторые из них: запрещалось есть (в определённые дни) и разделять некоторые сорта рыбы (налима, осетра, щуку), мясо оленей, посвящённых богам *хэхэ'ты*”, подходить к священной нарте, переступить через вещи. Существенно важно то, что эти ограничения, запреты в первую очередь выполняли охранительную функцию по отношению к женщине, а не означали снижения её статуса.

Наряду с практическими советами детям передавали и эксклюзивные, иррациональные знания, связанные с религиозными верованиями: как мальчик в первый раз посещает родовое святилище и приносит жертву [Головнёв, 2004, 47], так и девочка постигает систему запретов (табу), связанную с сакральной нечистотой *ся'мэй*, самостоятельно учится проводить обряд сакрального очищения *нибтрава*.

В ненецком обществе это понятие намного шире, это не просто обозначение известного состояния женщины, *ся'мэй* – это одно из центральных понятий традиционных ре-

¹ Полевые материалы автора, 2012 г.

лигиозных верований. Именно детородная функция женщины и обуславливала её особое положение в традиционном обществе. Она была наделена огромными созидательными и разрушительными функциями. Ограничения и запреты по отношению к женщине в традиционной культуре обуславливали определённую модель поведения, связанную с большой ответственностью: от её мысли и действия зависело благополучие семьи, здоровье родных, «... в первую очередь (запреты. – С. С.) оберегали, прежде всего, ее саму и будущее потомство и род в целом» [Кулемзин, Лукина, 1992, 18,19; Харючи, 2010, 45].

Женские запреты и комплекс представлений о нечистоте у ненцев подробно рассмотрены в работе Е. Лярской (2005), где на основе анализа этнографической литературы и собственных полевых материалов автор доказывает, что данные запреты следует рассматривать не отдельно, а как часть единого комплекса представлений о «нечистоте» (*ся''мэй*), занимающего одно из центральных мест в ненецкой культуре. Согласно её предположению, во-первых, данное понятие имеет отношение к «иному» миру, во-вторых, основное правило, которому надлежит следовать: «чистым» людям и предметам необходимо избегать ситуации, при которой они оказываются ниже источника «нечистоты», и наоборот – тем, кто может передать «нечистоту», не следует находиться *выше*, чем «чистое» [Лярская, 2005, 321, 323].

В обыденной жизни для снятия «нечистоты» – *ся''мэй*, применяется ритуальное очищение (*нибтарав*) посредством смеси, состоящей из кусочка бобровой шкурки, высушенной кишки дикого оленя (*торабт''*). Данные компоненты имеются в каждой женской сумочке. Наиболее сильным средством для очищения является чаговая вода, она используется в родильном и похоронном обрядах, где, по нашему мнению, присутствует «нечистота» большей степени. Так как данные обряды являются пограничными между миром людей и «иным» миром. Ею умываются, очищают бытовые вещи.

Исключение составляют металлические предметы, они не только не подвержены «осквернению», но в свою очередь могут снять скверну. Вещь, на которую нечаянно наступила женщина, трижды пропускается через дужку чайника или котла по ходу солнца со словами: «*Еся пуд' тахамна ся''мэйрида пыдара*» – «Через металлическую трубу только скверна сыплется»². Также, металлическую пластину кладут за священный шест, если на стойбище находятся иноплеменные гости (люди другой культуры); также в мужскую обую перед отправлением на священное место. В качестве оберега от отрицательной энергии женщин в определённые дни месяца мужчины носят кольцо.

Связь запретов прослеживается и в родовой организации. Женщина рассматривается как чужеродка, поведение которой регулировалось табу – *сырава* (избегание родственников мужа по мужской линии). В свою очередь данному запрету подвергались и родственники мужа (отец и родные братья). У хантов и ненцев хантыйских родов (Салиндер, Нядонги, Тибичи, Неркаги) эти табу были более ужесточены, например, покрывание платком головы и прятанье лица у женщин.

2 Полевые материалы автора, 2012 г.

Следует подчеркнуть, что табу, являясь регулятором социальной и гендерной организации, в первую очередь оберегало людей, защищало их от воздействия сакрального. В них прослеживалось магическое могущество женщин, их способность существенно влиять на события и их исход. Однако были и способы преодоления табу, поскольку жизнь была более многогранной, чем та, которая определялась запретами. Например, в советское время в рыболовецких бригадах Надымского района, в состав которых входили девушки и женщины репродуктивного возраста из родов фратрии Вануйта, пожилые люди по общему решению отменили обычай *нятава* (справлять естественные нужды во время критических дней без обуви и штанов). Это было вызвано невозможностью исполнить его в присутствии мужчин во время нахождения стойбищ на открытых водоёмах (Сведения информанта Е.Т. Пушкарёвой, 1949 г.р.).

Согласно проведённому нами в 2012 г. опросу³ 74,5% респондентов отметили, что стараются соблюдать все ненецкие табу в большей или меньшей степени. Почти пятая часть (19,4%) следует им иногда, 8% – заявили, что не знают их (все они из числа жительниц села). Исходя из этого, по нашему мнению, есть все основания утверждать, что запреты, соблюдаемые в повседневной жизни, не утратили свое смысловое значение и на современном этапе развития общества, даже если они несколько трансформировались (безусловно, в сельской местности наблюдается некоторое послабление в соблюдении обычаев). Можно отметить, что в целом табу сохранялись у ненцев как в конце XIX в., так и в начале XXI в. Опрошенные нами семьи соблюдают все обычаи, запреты независимо от местожительства: будь то в кочевой традиционной среде, либо в поселково-городской. Как мы можем наблюдать, ни христианизация населения в XIX в., ни «насильственное окультуривание» ненцев в советское время, ни частичное влияние баптизма (особенно на северном Ямале) в начале XXI в. [Vagramenko, 2014] не оказали существенного влияния на религиозные представления ненцев, на соблюдение ими традиционных обычаев и запретов.

Заключение

Таким образом, рассмотрение пространства традиционной культуры ненцев показало, что оно представляет собой многомерный горизонтально-вертикальный мир. Гендерная парадигма пространства традиционного жилища воплощает определённую, регламентирующую поведение людей стратификацию «мужского» и «женского» начала в ненецкой культуре. В соответствии с этим пространство чума делится на части, характеризующие и представляющие оба пола, для каждого из которых использование части пространства, занимаемое противоположным полом, недопустимо и табуировано.

3 Проведение опроса среди женщин ненок 400 чел. (211 чел. сельского и 189 чел. кочевого населения) в возрасте 18 лет и старше в 6 муниципальных образованиях Ямало-Ненецкого автономного округа: Ямальском, Тазовском, Шурышкарском, Приуральском, Пуровском и Надымском районах.

Одним из основных механизмов поддержания гендерной иерархии пространства служат табу, которые закрепляют этнические стереотипы и поведенческие нормы, соответствующие тому или иному полу, выполняя при этом, прежде всего охранительную функцию. Согласно данным нашего исследования, запреты не утратили своего смыслового значения и на современном этапе развития общества, хотя они в определённой степени трансформировались. Опрошенные нами семьи в основном соблюдают все обычаи, запреты независимо от местожительства: будь то в кочевой традиционной среде, либо в поселково-городской. В то же время следует отметить, что при этом в ненецкой культуре существуют и попытки преодоления табу, так как, по представлениям современных ненцев, жизнь более многогранна, чем то, как она определяется табу.

Библиография

1. Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.
2. Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
3. Головнёв А.В. Путь к Семи Чумам // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 208-236.
4. Ильина И.В., Уляшев О.И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар: Коми научный центр, 2009. 224 с.
5. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: ВО Наука, 1992. 136 с.
6. Лярская Е.В. Женские запреты и комплекс представлений о нечистоте у ненцев // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 317-326.
7. Пушкарёва Е.Т. Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ. Екатеринбург: Баско, 2007. 248 с.
8. Сорокина С.А. Гендерные аспекты традиционной культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2005. 291 с.
9. Сподина В.И. Особенности традиционного мировоззрения лесных ненцев: пространство и его восприятие: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 140 с.
10. Фрейд З. Психология первобытной культуры и религии. М.; П.: Государственное издательство, 1913. 171 с.
11. Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 228 с.
12. Харючи Г.П. Защищающие природу табу // Материалы 2-й Международной конференции по самодистике. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 278-291.
13. Vagramenko T.A. Religious conversion and Nenets bricolage: making modernity in the Polar Ural tundra: PhD thesis. National University of Ireland Maynooth, 2014. 296 p.

Gender paradigm of the space organizing in traditional Nenets culture

Stella E. Serpivo

Postgraduate at the department of ethnoculturology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48 Moika River emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: stella_serpivo@mail.ru

Abstract

Space is one of the universal categories of any culture. In the traditional culture of the Nenets, it is a multi-dimensional horizontal-vertical world, reflecting the spatial structure of the universe. In this article, on the basis of theoretical sources and the author's own ethnographic field materials, the gender paradigm of organizing the space of traditional Nenets culture is analyzed through the analysis of the gender stratification of the traditional dwelling-plaque, characterizing and representing both sexes, for each of which the space occupied by the opposite sex is inadmissible and tabooed. If, on the whole, the function of the dwelling is designed to unite people, then the inner space socially divides them. One of the main mechanisms for maintaining the gender hierarchy of space is taboo, which fixes ethnic stereotypes and behavioral norms. It should be noted that the taboos, being the regulator of social and gender organization, primarily performed a protective function – protecting people from the impact of the sacred. They traced the magical power of women, their ability to significantly influence events and their outcome. According to our research, taboos have not lost their semantic significance even at the present stage of society development, although they have been transformed to a certain extent.

For citation

Serpivo S.E. (2017) Gendernaya paradigma organizatsii prostranstva traditsionnoi kul'tury nentsev [Gender paradigm of the space organizing in traditional Nenets culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (3A), pp. 531-540.

Keywords

Space, Nenets, traditional culture, dwelling, social status, taboo.

References

1. Freud S. (1913) *Totem und Tabu: Einige Übereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker*. Beacon Press (Russ. ed.: Freud S. (1913) *Psihologija pervobytnoi kul'tury i religii*. Moscow; Petrograd).

2. Golovnev A.V. (1995) *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg.
3. Golovnev A.V. (2000) Put' k Semi Chumam [The Way to the Seven Tents]. *Drevnosti Yamala* [Antiquities of Yamal], 1, pp. 208-236.
4. Golovnev A.V. (2004) *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Nomads of the tundra: Nenets and their folklore]. Ekaterinburg.
5. Il'ina I.V., Ulyashev O.I. (2009) *Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoi kul'ture komi* [A man and a woman in the traditional Komi culture]. Syktyvkar.
6. Kharyuchi G.P. (2001) *Traditsii i innovatsii v kul'ture nenetskogo etnosa (vtoraya polovina XX veka)* [Traditions and innovations in the culture of the Nenets ethnos (second half of the 20th century)]. Tomsk.
7. Kharyuchi G.P. (2008) Zashchishchayushchie prirodu tabu [The taboos protecting nature]. In: *Materialy 2-i Mezhdunarodnoi konferentsii po samodistike* [Materials of the 2nd international conference on Samodistics]. St. Petersburg, pp. 278-291.
8. Kulemzin V.M., Lukina N.V. (1992) *Znakom'tes': hanty* [Meet the Khanty]. Novosibirsk: Nauka Publ.
9. Lyarskaya E.V. (2005) Zhenskie zaprety i kompleks predstavlenii o nechistote u nentsev [Women's bans and a complex of ideas about impurity among the Nenets]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum], 2, pp. 317-326.
10. Pushkareva E.T. (2007) *Kartina mira v fol'klоре nencev: sistemno-fenomenologicheskij analiz* [The world picture in Nenets folklore: system-phenomenological analysis]. Ekaterinburg: Basko Publ.
11. Sorokina S.A. (2005) *Gendernye aspekty tradicionnoj kul'tury narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. Doct. Diss.* [Gender aspects of the traditional culture of the peoples of the North, Siberia and the Far East. Doct. Diss.]. St. Petersburg.
12. Spodina V.I. (2000) *Osobennosti traditsionnogo mirovozzreniya lesnykh nentsev: prostranstvo i ego vospriyatie. Doct. Diss.* [Features of the traditional worldview of forest Nenets: Space and its perception]. Moscow.
13. Vagramenko T.A. (2014) *Religious conversion and Nenets bricolage: making modernity in the Polar Ural Tundra*. PhD thesis. National University of Ireland Maynooth.